

*Владимир
Мельниченко*

МЫСЛЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В СЛОВА

* * *

Вместо бессильных слов
 В самом, самом начале –
 Капельки васильков,
 Искорки иван-чая.
 Ну и ещё – река,
 А на реке светает –
 Это издалека,
 Это растёт, нарастает...
 Это ещё не звук,
 Это из сердцевины...
 Это небесный паук
 Звёздной наткал паутины...
 Это корова-луна
 Тучу поддела рогами.
 Это кричит тишина,
 Смятая сапогами...
 Это здесь и сейчас –
 Заговорить стихами...
 Это – последний шанс
 Не превратиться в камень.

* * *

Опустилась на кончик пера
 Паутинка прошедшего лета.
 Никогда столько синего цвета
 В небесах я не видел с утра.
 Только свет и полет мотылька...
 Ни истерик тебе, ни мистерий!
 Я – смиреннейший подмастерье,
 Данник русского языка.

* * *

Событий у нас маловато.
 Зима вот случилась вчера...
 Соседи достали лопаты
 И выгнали снег со двора.
 А мой – развесёленький, вкусный! –
 Лежит себе, радует глаз.
 Хрустит на зубах, как капуста.
 Впервые, сегодня, сейчас!
 Соседи, родные, Бог в помощь!
 (Какой восхитительный слог!)
 Я первый свой снег – несмышлёныш –
 Слизал с материнских сапог.
 Уколы запомнил, микстуры
 И прочая там беготня...
 А сестры – ну полные дуры! –
 Ещё и лечили меня:
 Изрезали тюль на халаты,
 Нарыли в шкафу рыбий жир...
 У-у-у! Как же я жаждал расплаты!
 Поэтому, видимо, жив.
 Событий у нас маловато...
 Вздыхаю и тихо скорблю...
 Соседи – опять за лопаты!
 И я их за это люблю!

* * *

Бессмысленно бывшее ворошить –
 Пока я к лучшей участи стремился,
 Двадцатый век оттяпал полдуши
 И треть страны, в которой я родился.

И я тому, признаюсь, очень рад –
 Похерив все небесные глаголы,
 Кремлядь не прикрывает куцый зад,
 И близятся костры Савонаролы.

Приветствую тебя, средневековье!
 Мне обжигает лоб печать твоя!
 Я жгу стихи, мешаю пепел с кровью
 И смазываю петли бытия.

О, как они скрипят! Послушай, ты,
 Бегущий мимо к призрачному раю!
 Я для тебя – в лохмотьях красоты –
 На дудочке поэзии играю.

* * *

Петь не умеешь – вой.
Вить не умеешь – молчи.
Не прорастай травой,
Падай звездой в ночи.
Не уходи в запой.
Не проклинай страну.
Пренебрегай толпой.
Не возноси жену.
Помни, что твой кумир –
СЛОВО, но не словцо...
И удивлённый мир
Плюнет тебе в лицо!

* * *

Блажен, кто по ночам не спит
И времени не замечает,
Кто сыт пустым недельным чаем,
Кто знает – ДУХ животворит.
Блажен, кто верою горит
И в этом пламени сгорает,
Кто на путях земного рая
Взыскует скорбь в поводыри.
Переосмысливаю быт.
Переиначиваю строки.
Когда горланят лжепророки,
Поэт молчаньем говорит.

* * *

Позарастала жизнь разрыв-травой.
Мы в простоте сказать не можем слова.
Ушёл, не нарушая наш покой,
Безвестный гений, не нашедший крова.

Как в ржавых механизмах шестерёнки,
Скрипят стихи – поэзия мертва.
Мы днём и ночью пишем «похоронки»
На без вести пропавшие слова.

* * *

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега,
И вольная мысль хороша.

Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны.
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

ДИГОРИЯ

1

Изгиб, излом, и нет дороги...
Нелепо, как в дурном кино!
И вспоминается о Боге –
Ему всегда не все равно.
Ревёт мотор на грани срыва.
Чуть-чуть назад...
Вперёд... Вираж...
Налево – лезвие обрыва.
Направо – зубы скалит кряж.
Потеет на спине рубашка,
Как в зной из погребца вино...
Водитель – на бровях фуражка –
Хохочет... Черт, ему смешно!
И на заоблачном пределе
Последних лошадиных сил,
Скрипя мостами, еле-еле
Вползает в небо старый ЗИЛ.
А вдалеке печальный демон
Несёт домой пустой мешок...
Я – наверху! Я занят делом!
И мне сегодня хорошо!
И я живу... Ломаю спички...
Курю, как будто в первый раз,
И вредной радуюсь привычке,
И пелена спадает с глаз.
Здесь солнце на сосновых лапах
Качается, как в гамаке.
Здесь можжевельниковый запах
Живёт в болтливом ручейке.
Здесь, как гигантские тюлени,
Слезятся утром ледники.
Здесь тучи тычутся в колени
И тают от тепла руки,
И, выгибая рысьи спины,
Да так, что пробирает дрожь,
Рыча, царапают вершины...
И дождь вокруг!
И сам я – дождь!

2

Когда идёшь по краю ледника –
По грани, по излому тьмы и света –
И видишь, как рождается река,
Решись на шаг и сделайся поэтом.
И – вдребезги! И вот она – бери!
Она – туман, сползающий со склона,
Она – артериальной крови ритм,
Она – вне человеческого закона.
Она растёт из сердца валуна
Под первыми весенними лучами,
Она нежна, как полная луна,
Из-за неё моря не спят ночами.
Возьми – она прожжёт тебе ладонь
И обернётся шумом водопада.
Она тебя ужалит – только тронь!
И ты умрёшь, но умирать не надо.
Ты сможешь, ты сумеешь – делай шаг,
Один короткий шаг... Какая мука!
И заново научишься дышать
И чувствовать губами привкус звука.

* * *

Художник поставит мольберт
И краски разложит, и кисти,
А я – двадцать пять сигарет
И с ветки сорвавшийся листик.
Мы будем сидеть vis-a-vis,
Пока не опустится темень,
И ради надмирной любви
Пространство раздвинем и время.
Мы будем глядеть в никуда
И думать о чем-то неважном:
Сквозь нас проплывут господа
В пролётках и экипажах –
Улыбки сиятельных дам,
Смешки, шепотки одобренья,
Последним проедет жандарм,
Обдав нас потоком презренья.
А ночью в дрянном кабаке,
Где слухи роятся, как мухи,
Он – в красках, я – в рваной строке
Хлебнём модернистской сивухи,
Забудем, что есть тормоза,
Сдавая на зрелость экзамен,
И многое сможем сказать

Незрячими злыми глазами.
И к нам из забытых времён,
Из морока рвани и пьяни
Подсядут художник Вийон
И первый поэт Модильяни...

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Остывают страны, народы
И красивые города.
Я плыву и гляжу на воду,
Потому что она – вода.
А она и саднит, и тянет,
Словно соки земные луна...
Жду, когда она жить устанет
Или выпьет меня до дна.
Из какого я рода-племени?
Кто забросил меня сюда?
Скоро я проплыву мимо времени,
Опрокинутого в никогда...

* * *

Наливаются яблоки, ветви пригнув до земли.
После долгих дождей в полный рост поднимаются травы.
Дядька в Киеве верит, что воду в Днепре москали
Отравили не корысти ради, а так – для забавы.

Украинская полночь для дядьки – тиха и темна –
Лучше повода нет перепрятывать польское сало...
А ко мне в полнолуние приходит Олесь Бузина,
И вселенской тоской от Обводного тянет канала.

Он садится за стол и усмешкой коверкает рот,
И с пустого листа откровенья наотмашь читает...
Дядька в Киеве верит, бурду буряковую пьёт
И из сердца (меня!) пятерней на паркет выжимает.

* * *

Подтаявший снег провалился в теплицу,
Вконец отлежав за полгода бока,
Уверен – ему там неплохо ложится –
Вороны не топчут и нет сквозняка.

А мне почему-то сегодня не спится,
Сиж у окна и гляжу в темноту...

Лежит на боку в огороде теплица,
Неловко коленки прижав к животу.

Фонарь на столбе, как замёрзшая птица –
Дрожит на ветру и не может взлететь...
Лежит на боку в огороде теплица
И даже не хочет чего-то хотеть.

И надо же было такому случиться!
Увидит разор, закручинится мать...
Лежит на боку в огороде теплица,
Ей снится, что кто-то идёт поднимать...

* * *

Не начавшись, закончилось лето –
Льют дожди день и ночь напролёт.
Дистрофичной полоской рассвета
Перечеркнут вдали небосвод.
Не июль, а какая-то мука!
Я готов согласиться на снег!
Приплывала знакомая сука –
Голубейших кровей человек:
Ротик пухленький, злые ресницы,
Из глазёнок вода в три ручья...
Предлагала валить за границу –
У неё там живут сыновья,
У неё там на съёмной квартире
Днём с огнём не найдёшь комара,
У неё дважды два – не четыре –
И за сорок – совсем не жара.
Укатила, назвав (меня!) – диким!
Не поспоришь – своё есть своё...
Я собрал ей в дорогу клубники,
Ведь улитки так любят её!

* * *

Ветер замёл под ковёр облетевшей листы
Милые глупости и разговоры о лете.
Перелиставший Сервантеса северный ветер
Жестью на крыше грохочет... Ах, если бы вы
Или другой кто-нибудь на весёлой планете
Вместе со мной расплескал по страницам печаль.
Впрочем, о чем я? Никто за меня не в ответе –
Сею стихи – вырастает дамасская сталь.
Некто однажды сказал мне: «Иди, дождь с тобою...»
(Был он, признаюсь, смешон и довольно нелеп.)

Даже писал мне невнятное что-то из Трои
И, наконец, замолчал, потому что ослеп.
Чёртово время! Бегу, как собака по следу,
За показавшими гонор и прыть в человеческих бегах.
Если сегодня же ночью я Троию спасать не уеду,
То на рассвете в «испанских» проснусь сапогах.

* * *

Светилась яблоня в саду
За три минуты до рассвета.
В тени ракиит купало лето
Кувшинки жёлтые в пруду.
Играла рыба в глубине
На перламутровой свирели,
И камыши чуть слышно пели,
И подпевать хотелось мне.
Звенел комарик у виска
О чем-то бесконечно важном...
И это было не однажды,
И те же плыли облака...
Упало яблоко – пора –
И ветка, охнув, распрямилась...
И, торжествуя, жизнь продлилась
За три минуты до утра.

* * *

Черёмуховый обморок. Безумье соловья.
Подслеповатый дождь, крадущийся по крыше...
Скучают во дворе верёвки для белья,
И кажется, земля волнуется и дышит.
На цыпочках рассвет по лужам пробежал
И в спешке обронил роскошный куст сирени...
Он долго на ветру качался и дрожал,
Роняя на траву причудливые тени.
Откуда ни возьмись нагрянули скворцы,
Снуют туда-сюда... И важные такие...
И тотчас воробьи – на что уж храбрецы! –
Расстроили свои порядки боевые.
И кажется, что зла на свете вовсе нет,
Зато добра вокруг – невыпитое море:
И от костра дымок, и яблоневый цвет,
И соло василька в большом цветочном хоре!

